

В.В. Федоров

О БЛОКАДНЫХ ДНЯХ, ПЕРЕЖИТЫХ СОТРУДНИКАМИ МАЭ

***Василий Васильевич Федоров,** научный сотрудник Отдела археологии. Один из авторов постоянной и 5 временных экспозиций. В период блокады продолжал работать в Институте. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».*

Трудно вспоминать все то, что пришлось пережить во время блокады. Еще труднее заставить себя говорить или писать. Но не делать этого нельзя, хотя бы во имя тех, кто не дожил до светлого дня Победы.

Июнь 1941 года. Институт и находящийся при нем Музей живут нормальной творческой жизнью. Разрабатываются новые научные планы, идет реорганизация отдельных экспозиций с целью их улучшения (в частности, моего Отдела археологии), исправно ведутся экскурсии и т.д.

И вдруг... 21 июня — конец всем мирным планам, начался новый, непредсказуемый период в нашей жизни.

С первых же дней войны мужчины нашего Института ушли в армию или народное ополчение. Остались только те, кто был негоден к несению воинской службы или кому была дана отсрочка в военкомате. Часть научных сотрудников эвакуировались. На оставшихся легла вся работа по охране Музея и свертыванию экспозиций.

При нашем Музее были организованы штаб МПВО и ряд команд по охране Музея, установлены круглосуточные

дежурства и посты наблюдения, которые находились на чердаках зданий. Мы связали их телефоном со штабом МПВО Музея.

Дежурили в основном женщины. Мужчины, которым была дана отсрочка от военной службы, составили вооруженную дружину. Они находились на казарменном положении и дежурили круглосуточно.

В их обязанности входила охрана здания изнутри и снаружи. Особенно бдительными им приходилось быть по ночам, так как в городе случались диверсии.

Основной же нашей работой в те дни было свертывание музейных экспозиций: наиболее уникальные и ценные экспонаты требовалось отобрать и подготовить к эвакуации, остальные запаковать и укрыть в более надежном месте. Сложностей сразу возникло много: оказалось, что во многих отделах Музея не было списков уникальных предметов, не было упаковочного материала, ящиков и т.д. Ящики пришлось заказывать на стороне, а что касается остального — справились собственными силами, с трудом, но справились. К началу осени 1941 года все работы по свертыванию экспозиций были закончены. Наиболее уникальные и ценные экспонаты, по договоренности, были перенесены в Эрмитаж (в помещение особых кладовых), остальные, тоже уложенные в ящики, были сосредоточены на первом этаже и в подвале МАЭ. Коллекции же, находящиеся в Главных фондах МАЭ (в помещении здания на Таможенном переулке), решили оставить на месте. Здесь был установлен круглосуточный пост.

Я перечислил далеко не все наши обязанности в те тяжелые дни. Много труда и времени заняла маскировка здания, заклейка окон бумажными полосами (считалось, что наклеенные на окна крест-накрест бумажные полосы предохраняют выпадение стекол при сотрясении здания во время бомбежек и артобстрелов), оборудование бомбоубежища и т.д.

У нас функционировало три бомбоубежища: одно для своих сотрудников, два — для тех, кого тревога (обстрел или бомбежка) застала на улицах вблизи МАЭ. Оборудовали эти бомбоубежища в подвале. Наружные окна пришлось заложить кирпичом и заштукатурить. В помещении бомбоубежища снесли стулья и кое-какую мебель. Установили дежурства. Надо сказать, что в первые месяцы войны в бомбоубежище собиралось довольно много народу. Впоследствии, когда участились бомбежки и обстрелы, в подвал был переведен и штаб МПВО Института.

В связи с приближением фронта к Ленинграду, группе наших сотрудников вместе с сотрудниками других академических учреждений пришлось выезжать в разные районы на подступах к городу, где они рыли противотанковые окопы. Случалось, это было совсем недалеко от линии фронта, как говорится, под самым носом у немцев. Много пришлось испытать тем, кто выезжал на оборонные работы: и налеты немецких самолетов, на бреющем полете обстреливавших наши око-

пы, и выход из окружения, когда только по счастливой случайности им удавалось спастись.

Вражеское кольцо все туже стягивалось вокруг Ленинграда. Наступил сентябрь — начало блокады нашего города. Усилились бомбежки и обстрелы города. Были разбомблены и сгорели Бадаевские склады, что вызвало снижение продовольственных норм по карточкам. Это отразилось главным образом на хлебе, остальные продукты питания выдавались очень нерегулярно или вообще не выдавались. Было произведено три снижения норм хлеба: первое — 2 сентября 1941 года (рабочие получали 800 г, служащие — 600 г, иждивенцы — 400 г); второе снижение — 12 сентября (рабочие — 500 г, служащие — 300 г, иждивенцы — 200 г), и, наконец, третье снижение — 1 октября (рабочие — 250 г, служащие и иждивенцы — всего лишь по 125 г).

Вспоминаются ноябрьские праздники 1941 года. Как многолюдно, торжественно и весело проходили они у нас всегда до войны! И в этот день собрались почти все оставшиеся сотрудники Института. Многие пришли со своими семьями. Правда, торжество состоялось не в актовом зале, а в подвале, в бомбоубежище № 1 (для сотрудников). Еще не отключалось электричество, и свет придавал торжественность нашему собранию, способствовал приподнятости настроения. После торжественного митинга был организован товарищеский чай, с собранными в общий котел нашими скудными съестными припасами. Вечеринка получилась очень оживленной, почему-то в этот вечер всем захотелось забыть про войну, бомбежки, лишения, вспоминать мирное время, не возвращаться к тяжелым думам, беспокоившим в глубине души каждого из нас, — а удастся ли дожить до следующего праздника? Откуда-то принесли патефон, начались танцы, хотя было и тесновато. Лишь поздно вечером мы разошлись, кто по домам, а кто на свои боевые посты.

Между тем подошла зима 1941 года. Жизнь в осажденном городе становилась все тяжелее, несколько сотрудников эвакуировались, но большинство продолжали оставаться на своих постах. Постепенно почти все оставшиеся сотрудники переселились в Музей. Сначала обжили кабинеты, затем перешли в подвал, где находилось бомбоубежище № 1 (под современным залом Америки). Здесь были сложены две плиты, которые как-то обогревали помещение, позволяли всегда иметь под рукой горячий кипяток, что было очень важно. Дрова заготавливали мы сами (в основном разбирали деревянные дома на окраинах города, предназначенные на слом). На санках мы перевозили их на наш двор, пилили и кололи. Бомбоубежище имело три отсека, которые и заселили наши сотрудники и члены их семей. Хозяйственники доставили туда

кровати, столы, стулья. Постепенно мы приспособили для своих нужд и другие отделения подвала, так как практически посторонние уже не заходили в них. «Старожилами» бомбоубежища были Д.А. Лев (с семьей), В.В. Федоров, Е.Н. Жиров, А.Б. Пиотровский, А.Н. Юзефович, Г.И. Петров, Г.Н. Прокофьев, Г.И. Смирнов (уже помню не всех). Позднее к нам присоединились В.В. Антропова, К.В. Вяткина, И.Н. Вишняков, А.А. Попов, М.В. Степанова, Л.Э. Каруновская, Н.А. Липская, Г.Г. Стратанович (с семьей), В.В. Екимова, А.Н. Кондауров. Они заняли помещение бомбоубежища № 2.

Для нас такая коллективная жизнь имела прежде всего большое моральное значение. Товарищи по работе всеми силами и способами старались помочь друг другу, поддержать слабеющих.

А положение в городе все ухудшалось. Перестал ходить трамвай. Те, кто не переселился в Музей, вынуждены были ходить пешком. Перестала поступать электроэнергия, замерз водопровод, кончались дрова (использовать в качестве топлива музейное имущество никому даже в голову не приходило). За водой отправлялись на Неву (хорошо, что близко), электрический свет заменили самодельные коптилки, куда наливалось все, что могло гореть. Они давали так мало света, что не освещали даже лиц сидящих около них людей. Большие плиты нам уже нечем было топить, достали откуда-то «временки», или «буржуйки», — небольшие самодельные железные плиты, на которых можно было разогреть нашу мизерную еду, принесенную из соседней академической столовой. Копоть и чад от этих «отопительно-осветительных» приборов были невероятными.

Но, конечно, больше всего нас одолевал голод. Появились больные дистрофией, которые не могли уже подняться с постели. Да и ходячие едва волочили ноги. Выполнять свои обязанности становилось все труднее и труднее. Особенно тяжело было дежурить в темноте на холодных чердаках.

И вот первые потери. Умирили тут же, среди своих товарищей. Особенно тяжело умирал Г.Н. Прокофьев, у которого на почве голода возникло острое психическое расстройство. Умерших товарищей мы выносили из наших подвалов в один из кабинетов на первом этаже, который очень быстро стал превращаться в настоящую мертвецкую. За зиму 1941/42 года мы потеряли почти 1/3 наших сотрудников. Среди них Н.А. Липская, А.Б. Пиотровский, Г.И. Петров, А.Н. Юзефович, А.Н. Кондауров, В.В. Екимова и многие другие.

Что помогло выжить, выстоять в это страшное время? Только глубокая вера в победу. И еще труд, любимая работа. Научная жизнь,

несмотря на все трудновыносимые, порой невероятные условия, продолжалась. Так, до своих последних дней работал над диссертацией А.Н. Кондауров, В.В. Екимова вела исследования по бухарским тканям. И таких примеров было много.

К счастью, в здание нашего Музея не было прямого попадания ни бомб, ни тяжелых снарядов. Однако само здание, особенно крыша, сильно пострадали от осколков разорвавшихся вблизи бомб (Зоологический институт, Университет) и снарядов. Приходилось самим чинить и латать крышу во избежание протечек и обвалов потолка. Что касается зажигательных бомб, то тут «недостатка» не было. Правда, особого вреда они не причинили. Дежурные зорко следили за всеми попаданиями и быстро тушили эти зажигалки.

Расскажу один особенно запомнившийся мне случай. В этот осенний день 1941 года на очередное дежурство на посту МПВО, находившемся в помещении Главных фондов МАЭ, — в то время Главные фонды МАЭ размещались в здании типографии АН СССР (ныне на Таможенном переулке) и занимали второй этаж, — заступили Д.А. Ольдерогге, В.В. Екимова и я.

С наступлением темноты на Ленинград был совершен очередной налет вражеской авиации. На этот раз массированной бомбардировке подвергся Василеостровский район. Получив по местному телефону уведомление о начавшейся воздушной тревоге, Д.А. Ольдерогге и я побежали на свои боевые посты у слуховых окон чердачного помещения, оставив внизу у телефона В.В. Екимову. Нам недолго пришлось наблюдать из окон. Увидев, как посыпались зажигалки на соседние здания и на улице стало светло, как днем, мы бросились проверять наши чердачные помещения. Большие чердачные помещения Главных фондов МАЭ в то время были абсолютно темными, так как все слуховые окна, кроме двух наблюдательных, были наглухо заколочены. Кроме того, уровень пола в помещении Главных фондов был неодинаков. Главные фонды располагались в трех старых зданиях с потолками разной высоты, причем потолок среднего здания был значительно ниже крайних. Все это создавало дополнительные трудности, делая чердачные помещения трудно проходимыми и плохо просматриваемыми. Приходилось то спускаться, то подниматься по крутым лесенкам с одной плоскости на другую, опасаясь в темноте не заметить ступеней и сорваться вниз. Лестницы были довольно крутые и без перил. Без фонаря в темноте проделать весь путь было почти невозможно, а фонарь был только один. На всей территории этого сложного по своей конструкции чердачного помещения стояли

бочки с водой, ведра, лопаты и другой инвентарь для тушения зажигательных бомб, а также кучи песка.

Осмотрев все чердачное помещение и не обнаружив ничего подозрительного, мы полезли на крышу, чтобы осмотреть и ее. На крыше в разных местах дымилось довольно много зажигалок. Их надо было немедленно обезвредить, прежде чем они успели бы прожечь крышу. Посоветовавшись, мы решили, что Дмитрий Алексеевич останется у своего поста — у слухового окна, а я полез на крышу и стал сбрасывать зажигалки лопатой на мостовую переулка и во двор, где их тушили уже другие дружинники МПВО из числа сотрудников Академии наук.

От криков дружинников и шипения зажигалок гвалт стоял невообразимый, и я не услышал свиста Дмитрия Алексеевича, который подавал мне условный сигнал. А случилось вот что: на другом конце здания Дмитрий Алексеевич заметил густой дым и огонь, пробивавшийся изнутри помещения. Покончив быстро с работой на крыше, я вернулся на чердак, и мы бросились к новому очагу пожара. Оказалось, одна из зажигательных бомб все-таки попала на чердак. Ударившись своей тыловой частью о крышу, она пробила ее и упала в ящик с землей, стоявший у стены. Мы не заметили эту бомбу, поскольку она, зарывшись в землю, лежала какое-то время в спокойном состоянии. Затем бомба стала активно проявлять свое действие, разбрасывая в разные стороны не только огненные струи на довольно большое расстояние, но и какой-то очень едкий дым, который перехватывал дыхание. Пришлось надеть противогазы. Но и они не смогли защитить нас от ядовитого дыма. Создавалось трудное положение, так как этот дым заполнил все чердачное помещение. Однако мы заметили, что в верхних слоях он значительно плотнее (как мы потом узнали, это был фосфорный газ, от которого противогаз не мог защитить), поэтому решили приблизиться к бомбе ползком, попластунски. Бомба продолжала фонтанировать, огонь подбирался к двери соседнего помещения, ее обивка уже начинала обугливаться. Мне как-то удалось дотянуться до нее и открыть ее лопатой. Огонь сразу уменьшился и не мог уже достать до двери. Загорись дверь, огонь проник бы в помещение самих фондов.

Тем временем бомба стала плавиться и деформироваться и превратилась в огнедышащую растекающуюся массу, которая грозила прожечь тонкое деревянное перекрытие пола чердака. Под этим чердаком находилось помещение фондов Отдела Сибири, где на стеллажах до самого потолка хранились деревянные и берестяные коллекции.

Поскольку песок и вода уже не помогали, пришлось пробовать другие способы тушения. Мы стали растаскивать и забивать лопатами это огненное месиво на части, не давая им подолгу оставаться на одном месте. Мы уже не думали о себе, о том, что можем отравиться ядовитым газом, — только бы поскорее потушить огонь, не дать возникнуть огромному пожару. А в некоторых местах доски и балки начинали уже обугливаться, загорелись стружка и мусор, которые оставались тут со времен строительства подсобной комнатухи. Работы прибавилось. Мы не знали, чтож тушить в первую очередь — саму ли бомбу или новые очаги пожара. Испробовав все доступные средства и приемы, нам удалось в конце концов справиться с огнем. Сколько времени продолжалась эта схватка — не помню. Мы едва держались на ногах от усталости и сильного кашля, вызванного едким дымом. Однако сознание того, что коллекции Фондов были спасены, пожар не повредил помещения, а главное — жизнь нашей третьей дежурной — Екимовой — была спасена (в случае пожара ей вряд ли удалось бы выбраться со своего поста), придавало нам бодрости. Справившись со своим состоянием (дым стал постепенно улетучиваться через открытое слуховое окно), мы продолжали нести вахту. Как мы потом узнали, зажигательные бомбы в тот раз попали и в башню Музея. При тушении пожара наши сотрудники, вероятно, тоже проявили не меньшую изобретательность.

Однако тяжелее всего было тушить пожар на башне Музея зимой 1941 года. Там не было выставлено поста, и поэтому меры по ликвидации очага пожара не были приняты своевременно. Когда туда поднялись сотрудники — всюю бушевало пламя. Огонь, очевидно, занялся сразу. В башне горели деревянные перекрытия, стропила. Вот-вот могли загореться большие шкафы, наполненные разными легковоспламеняющимися материалами. Как тушить пожар? Случилось это поздно вечером. Водопровод не работал, до песка не добраться, да он и не помог бы. Пришлось брать воду из проруби на Неве. На тушение пожара были мобилизованы все сотрудники Музея и члены их семей, в том числе вездесущая и проворная двенадцатилетняя Галя — дочь А.Н. Генко. Образовали цепочку и передавали ведра друг другу и так до самого верха башни. От истощения и от волнения трудно было удержать ведра, вода проливалась, тут же замерзая. Особенно тяжело было на узкой винтовой лестнице, ведущей на башню. Многие тогда получили тяжелые травмы, падая со скользких ступенек. Но все-таки пожар мы потушили, не дав огню проникнуть в глубь здания.

В декабре 1941 года башня вновь пострадала. На этот раз от осколков снарядов. В результате участвовавших обстрелов наше здание полу-

чило существенные повреждения. А мы перестали уже обращать внимание на эти обстрелы и, если надо было по делу, шли по улицам, правда, по возможности избегая той стороны, где имелась надпись: «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!».

Наступил 1942-й год. В связи с открытием Дороги жизни по льду Ладожского озера улучшилась доставка продовольствия в осажденный Ленинград. В первую очередь увеличились нормы выдачи хлеба по карточкам — в феврале рабочие получали уже 500 г, служащие — 400 г. Не были забыты и ученые Ленинграда. По распоряжению правительства специальный паек стал выдаваться сперва академикам и членкорам, затем профессорам и докторам наук. Для других категорий научных сотрудников, как и для большинства работающих ленинградцев, организовывались стационары со специальным усиленным питанием, куда в первую очередь попадали наиболее обессиленные и истощенные. Для нас такой стационар был открыт при Доме Ученых.

Не забыли нас и эвакуировавшиеся коллеги (очередная эвакуация по льду Ладожского озера производилась зимой 1942 года). И вот с Большой земли мы получили существенную помощь. Собрав значительную сумму денег, наши товарищи приобрели продукты и переслали их в осажденный Ленинград. Среди эвакуировавшихся нашлись добровольцы, которые вызвались сопровождать эти продукты, чтобы лично вручить их каждому из нас. Такое забыть невозможно.

Время шло, кончилась холодная зима, наступила весна и с ней новые тревоги и заботы. Прежде всего необходимо было, во избежание эпидемий, очистить улицы города от снега и мусора и скопившихся на них нечистот (ведь канализация зимой не работала). Специальным постановлением Ленгорисполкома (март 1942 г.) на уборку улиц было мобилизовано все население Ленинграда. И стар и млад — все вышли на уборку. Мы убирали свою территорию — на набережной, дворах и близлежащих переулках. И город снова стал чистым. А когда с наступлением тепла по городу побежал трамвай, радости нашей не было границ! Мы почувствовали, что жизнь в нас пробуждается вновь.

Но едва мы начали оправляться от дистрофии, как нас поджидал другой коварный враг — цинга. Сказалось отсутствие витаминов в пище: расшатывались и выпадали зубы, пухли суставы, отказывали ноги. Специальным распоряжением Ленгорисполкома (апрель 1942 г.) витамин С стали вырабатывать из ветвей хвои. Он поступил в продажу в аптеках города. Было рекомендовано самим заваривать и настаивать хвою и пить ее.

Другое распоряжение Ленгорисполкома касалось организации индивидуальных огородов. В черте города, где только было возможно, — на площадях, скверах, садах, дворах и т.д. — возникли такие огороды. Ботанический институт АН СССР и Всесоюзный институт растениеводства бесплатно раздавали всем желающим рассаду (лук, капуста, морковь и пр.). Некоторые наши сотрудники тоже заимели свои огороды и смогли собрать скромный урожай зелени и овощей.

Летом 1942 года была вторая массовая эвакуация сотрудников АН СССР. Эвакуировалась основная часть научных сотрудников нашего Института. Нас осталось совсем немного: В.В. Антропова, К.В. Вяткина, А.Н. Калдыкина, М.Д. Торэн, В.В. Федоров, технические работники: П.Н. Артамонова, Е.А. Максимова, А.А. Макарова, М. Кожевникова и Р.И. Каплан-Ингель. Возглавил нашу группу Уполномоченный от Академии наук архитектор Р.И. Каплан-Ингель. Ему была поручена охрана Музея со всеми оставшимися документами и коллекциями. Мы распределили обязанности, переехали в новое помещение — подвальные комнатки, где после войны разместились реставрационная мастерская и дежурка для смотрителей Музея и вахтеров. Новое помещение имело ряд преимуществ: окна не были заделаны кирпичом, поэтому пропускали дневной свет, толстые перекрытия стен изолировали их от других подвальных помещений, рядом был выход на улицу. И еще — комнатки имели печи, мы могли хорошо обогреваться зимой.

Мы составили план первоочередных работ по Музею и приступили к их исполнению. Надо признать, что Р.И. Каплан-Ингель проявил большие организаторские способности как в отношении работы, так и нашего быта.

Между тем кончалось лето. Фашистам стало все труднее прорываться к городу с воздуха, зато они еще яростнее стали обстреливать его из дальнобойных орудий. Взять Ленинград измором фашистам не удалось, они стали готовиться к штурму.

Нас, как и всех ленинградцев, привлекли к оборонительным работам. Мы устанавливали проволочные заграждения, рыли траншеи в районе Пушкинского дома и Биржевого моста. У Дворцового моста со стороны Зоологического института были установлены дзоты. По распоряжению командования фронта, здание Музея было переоборудовано в опорный пункт обороны. Нам пришлось превратить два угловых кабинета на первом этаже, выходивших окнами на набережную (современные кабинеты Африки и Сибири) в боевые точки. Все работы произвели мы сами. Военные доставили нам только строительные материалы (каменные плиты, кирпичи, цемент, песок и т.п.), которые мы

Папуас, «выстреливший» из лука.

перенесли на своих руках в здание Музея, в том числе и на верхние этажи. Каменные плиты мы установили в проемах окон, заделали кирпичом, оставив амбразуры для пулеметов. Для установки пулеметов построили специальные деревянные постаменты, а для тяжелых орудий пришлось в толстых стенах здания пробивать специальные двери. Нам же пришлось прокладывать и телефонный кабель внутри здания, чтобы в случае необходимости, осуществлять связь с военной частью, дислоцированной в данном районе города.

А работы внутри Музея шли своим чередом. Надо было вынести крупные экспонаты из шкафов, упаковать их, заделать витрины, шкафы и манекены щитами, досками и другими упаковочными материа-

лами, чтобы сохранить их. Интересная история приключилась с одним из манекенов — «Папуас, стреляющий из лука» (сейчас он стоит в зале Австралии). Вблизи Музея разорвался крупный снаряд. Здание сильно трянуло, многие предметы сдвинулись со своих мест, некоторые разломались. У манекена, стоящего на галерее, отломился палец руки, удерживавший натянутую тетиву. Освобожденная тетива довольно сильного лука моментально выбросила стрелу вперед, разрядив тем самым лук. Стрела, пролетев через весь зал, опустилась и вонзилась в щит, защищавший один из шкафов нижней части зала. Получилось впечатление, что манекен-папуас, обращенный лицом в сторону врага, выпустил в него из своего лука стрелу в отместку за все, содеянное им. А в Музее до сих пор бытует легенда «Как папуас Музей от врага защищал».

Вот так и протекали наши блокадные дни — работа по Музею, дежурства, оборонные работы, очистка близлежащих территорий от снега и мусора, разные авральные работы, связанные с ликвидацией последствий бомбежек и обстрелов. Мы жили и работали, как все ленинградцы в то время. Я перечислил здесь далеко не все, но хочу подчеркнуть, что мы не делали ничего исключительного.